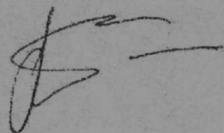

0-785348

На правах рукописи

ПОДЗЮБАН Елена Викторовна

**КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ
МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
КУСТАНАЙСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск – 2010

Работа выполнена в отделе археологии каменного века Учреждения Российской академии наук Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН)

Научный руководитель:

доктор исторических наук *Шуныхов Михаил Васильевич*

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор *Дроздов Николай Иванович*

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

кандидат исторических наук *Славинский Вячеслав Сергеевич*

Учреждение Российской академии наук Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Ведущая организация:

Учреждение Российской академии наук Институт экологии человека Сибирского отделения РАН

Защита состоится 21 декабря в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при Учреждении Российской академии наук Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН по адресу 630090, г. Новосибирск, проспект академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Автореферат разослан « 8 » ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000681310

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Представление о каменном веке эпохи голоцена на территории Кустанайского Притоболья (Тургайский прогиб) к настоящему времени в целом сформировалось. Однако некоторые вопросы культурно-исторического характера требуют более детального рассмотрения, в частности, о взаимосвязи и преемственности между представителями эпох мезолита и неолита, населявшими Тургайский прогиб, а также взаимоотношения между ними и обитателями сопредельных территорий, прежде всего Зауралья и Средней Азии. По сути неразработана периодизация неолита Тургайского прогиба. Изыскания в этом направлении предполагают проведение технико-типологического анализа и пересмотр некоторых положений (истоки неолита и хронологические рамки маханджарской культуры).

Неполная изученность вопросов в определённой степени обусловлена своеобразием природно-климатических условий Кустанайского Притоболья, определившее медленное накопление почвенного слоя, что, в свою очередь, обусловило плохую сохранность культурного слоя на большинстве памятников. Кроме того, в регионе следует отметить:

- отсутствие многослойных стратифицированных памятников каменного века, на которых культурные слои разделены стерильными прослойками;
- культурный слой большинства стоянок полностью или частично разрушен;
- отсутствие радиоуглеродных дат для исследованных археологических объектов (таковые имеются только для терсекских памятников);
- отложения большинства стоянок содержат смешанный разновременный материал (от мезолита до археологической современности).

Ввиду этих особенностей изучение памятников Тургайского прогиба возможно только на основе поэтапного технико-типологического анализа каменной индустрии. Такие исследователи, как В.С. Мосин [2006], Ю.Б. Сериков [2000], Ж.К. Таймагамбетов и Т.И. Нохрина [1998], Ю.Ф. Кирюшин и К.Ю. Кирюшин [2008] придерживаются методики технико-типологического анализа, предложенной Г.Ф. Коробковой [1975]. Каменную индустрию, по мнению Г.Ф. Коробковой, следует рассматривать в трёх аспектах: техника расщепления, техника ретуширования, набор типов орудий. Поскольку у Г.Ф. Коробковой позиции, по которым должен проводиться технико-типологический анализ, были немногочисленными и соответствовали индустриям с территории Средней Азии, в дальнейшем, по мере накопления материалов, возникла необходимость дополнения их новыми параметрами. Автор дис-

сертации при проведении технико-типологического анализа учитывал параметры, которые указывались в работах В.Н. Логвина [1991], В.С. Мосина [2006], Ю.Б. Серикова [2000], Ж.К. Таймагамбетова и Т.И. Нохриной [1998], Ю.Ф. Кирыюшина и К.Ю. Кирыюшина [2008]. За пределами их исследований остались морфологические признаки пластин и процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов.

Некоторые технико-типологические показатели как маркирующие позволяют дифференцировать смешанные комплексы на разновременные группы. К этим показателям относятся:

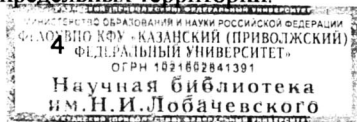
- продукты первичного расщепления;
- морфологические характеристики пластин (типы площадок, типы дистальных частей, формы медиальных частей);
- размеры пластин и орудий на пластинах (основное внимание уделяется ширине заготовки);
- процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов;
- признаки, отражающие приёмы вторичной обработки;
- типологический состав орудийного набора.

Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья.

Цели задачи исследования. На основе анализа археологических материалов смешанных комплексов каменного века предполагается определить специфику мезолитических и неолитических индустрий на территории Тургайского прогиба.

Ставятся задачи:

- рассмотреть историю исследования раннеголоценовых комплексов Северного Казахстана;
- дать характеристику физико-географическим особенностям территории Тургайского прогиба в настоящее время и раннем голоцене;
- провести технико-типологический анализ и составить представление о каменной индустрии памятников Тургайского прогиба;
- выделить по технико-типологическим показателям специфические особенности каменных индустрий мезолита и неолита и сопоставить их между собой;
- провести корреляцию мезолитических и неолитических комплексов с энеолитическими комплексами исследуемого региона и материалами сопредельных территорий;
- уточнить хронологические рамки комплексов Тургайского прогиба, сопоставив их с материалами сопредельных территорий.

Территориальные рамки исследования. Район исследования определяется границами Кустанайского Притоболья. В административно-территориальном отношении Кустанайское Притоболье – это территория Костанайской обл. Республики Казахстан. В геоморфологическом отношении Кустанайское Притоболье связано с территорией Тургайского прогиба. Географически северная часть Тургайского прогиба (Северо-Тургайская равнина) по существу является южной окраиной Западно-Сибирской низменности. На юге прогиб плавно переходит в Туранскую равнину. С запада прогиб ограничен Зауральским плато, а с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами гор Улутау. В центральной части прогиба (Тургайское плато) проходит Арало-Иртышский водораздел. Территорию прогиба с севера на юг прорезает Тургайская ложбина, являющаяся его яркой достопримечательностью. Она имеет плоское дно шириной от 15 до 50 км и находится на высоте 200 м от уровня моря [Бобоедова, 1971]. В Тургайской ложбине обнаружено и изучено большинство археологических объектов, известных на территории Тургайского прогиба.

Хронологические рамки исследования. Рассматриваются материалы эпохи мезолита и неолита. В отдельных случаях – комплексы, выходящие за эти временные рамки.

Методика исследования. Основным методом исследования является сравнительный анализ. Изучение индустрий проводилось на базе технико-типологического, морфологического и статистического анализа. Привлекались стратиграфический метод и данные относительной хронологии. Использовались результаты естественнонаучных методов – петрографического, минералогического, спорово-пыльцевого, почвоведческого, радиоуглеродного.

Научная новизна работы. Расширена источниковая база для исследуемого региона, так как в научный оборот в полном объеме вводятся материалы памятников Узынагаш-1, Каражар-2, Карасор-5, Карасор-6, Урочище Кушек-4, Бестамак-4. Разработаны тип-листы орудийных наборов мезолитических и неолитических индустрий. Рассмотрена история исследования мезолита и неолита Северного Казахстана за последние 50 лет. Обоснован вывод о единой мезолитической индустрии в исследуемом регионе. Уточнены хронологические границы мезолита и неолита на территории Тургайского прогиба.

Практическая ценность работы. Результаты исследования могут найти применение при создании обобщающих научных трудов по древней истории Казахстана, Западной Сибири и сопредельных регионов, а также при

разработке лекционных курсов или спецкурсов для студентов исторических факультетов в вузах. Материалы и основные положения диссертации использованы в археологической экспозиции областного историко-краеведческого музея г. Костаная, Казахстан. На основе выводов могут быть разработаны мероприятия по сохранению историко-культурного наследия Северного Казахстана.

Источниковая база. В основу диссертационной работы положены археологические материалы 41 памятника, полученные за последние 35 лет в ходе изысканий коллективом Костанайской археологической лаборатории при Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова (В.Н. Логвин, В.И. Гребенюков, А.П. Мазниченко, Г.В. Колбин, А.С. Суслов, С.В. Сергеев, А.В. Логвин, С.С. Калиева, Г.А. Базарбаева, Е.В. Подзюбан). Автор диссертации являлся сотрудником Костанайской археологической лаборатории с 1991 по 2004 г. В диссертацию вошли материалы, исследованные автором при раскопках памятников Кара-Мурза-6, Карасор-5, Карасор-6, Бестамак-4. Проанализированы коллекции, включающие более 35 тыс. каменных артефактов. Рассмотрены также опубликованные материалы и полевые отчеты о раскопках археологических объектов каменного века эпохи голоцена за 1970–1980-х гг. Изучены также коллекции артефактов и отчеты по исследованию памятников раннего голоцена, хранящиеся в фондах Костанайского областного историко-краеведческого музея и его филиалов.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации представлены в 10 научных публикациях и семи отчетах о полевых исследованиях, хранящихся в архиве Костанайской археологической лаборатории. Среди публикаций – статьи в научных сборниках и тезисы докладов конференций, опубликованные в Казахстане и России. Основные положения диссертации изложены в докладах, прочитанных на региональных конференциях в Казахстане и на международных конференциях и семинарах в городах Костанай (1999–2000 гг.), Павлодар (2005 г.), Астана (2006 г.), Алматы (2006–2007 гг.), Тюмень (2001–2003 гг.), Иркутск (2009 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы и приложения, которое включает типлист, описание памятников, таблицы, иллюстрации.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обоснована актуальность выбранной темы, сформулированы цели и задачи исследования, охарактеризованы его источники и методы, определены территориальные и хронологические рамки, показаны новизна и практическая значимость полученных результатов.

Глава 1. История изучения мезолита и неолита на территории Северного Казахстана

1.1. К вопросу о терминах «мезолит» и «неолит». В археологической науке неоднократно разворачивалась дискуссия о содержании терминов «мезолит» и «неолит». Термин «мезолит», появившись 1870–1890-е гг., обозначал период между древнекаменным и новокаменным веками. На протяжении последующего столетия изменялось содержание термина «мезолит». В конце XIX в. значение термина «мезолит» отражало в большей степени технико-типологическое понимание. По мере накопления мезолитического материала и расширения масштабов изучения этой эпохи, советские и западноевропейские археологи в силу разных причин стали наполнять термин историко-экономическим содержанием. Например, в 1950–1960-е гг. Г. Кларк придал термину «мезолит» экономический характер (см: [Мапюшин, 1976]). В советской археологии термин «мезолит» стал широко употребляться в литературе после выхода в свет исследования М.В. Воеводского «Мезолитические культуры Восточной Европы» [1940]. Благодаря работам А.А. Формозова [1970] и Д.А. Крайнова [1960] термин «мезолит» был окончательно закреплён в археологической периодизации, вытеснив термин «эпипалеолит». В советской археологии наметилась тенденция к выработке технологических критериев для выделения мезолита. Исследования в этом направлении были прерваны начавшимися гонениями на «буржуазных вещеведов» – сторонников совершенствования чисто археологических методов. В дальнейшем сложилось комплексное понимание содержания мезолитической эпохи. Археологические открытия конца XX – начала XXI вв. в Забайкалье, на Дальнем Востоке и в Японии внесли некоторые коррективы в представления о культурных процессах, происходивших на этих территориях в конце плейстоцена – начале голоцена [Деревянко, Волков, Хонджон, 1998]. Однако новые данные не повлияли на выводы специалистов о эпохе мезолита в Африке, Европе, Западной части Азии, а также в Западной и Средней Сибири. Отсутствие единства по поводу термина «мезолит» объясняется тем, что исследователи вкладывают в него разное содержание –

археологическое, историческое, социологическое, культурологическое или всё вместе взятое. Основным критерием в определении мезолита мы считаем технико-типологический и связываем с этой эпохой доминирование микропластинчатой техники в пределах изучаемого региона и на сопредельных территориях Поволжья, Западной Сибири и Урала. В вопросе об определении мезолита в целом автору близка точка зрения В.С. Мосина [2006]. Верхний рубеж эпохи исследователь связывает с появлением комплексов с керамикой и двусторонне обработанными орудиями, органично сочетающимися с традиционной микропластинчатой индустрией.

Не менее дискуссионным в археологической науке остается вопрос о содержании термина «неолит». Своим появлением термин «новый каменный век» обязан Д. Леббоку, который определил основные черты эпохи: появление керамики и новых приемов обработки камня (технико-типологические признаки), земледелия и скотоводства (экономические признаки). Поскольку изготовление керамики в определении неолита Д. Леббока занимает первую позицию в определении неолита, то этот признак признали главным. Более чем за сто с лишним лет, прошедших с момента введения термина, археологический фонд пополнился неолитическими материалами многие из которых, однако, не соответствуют классическому определению эпохи. Что касается керамического производства, то в ряде районов земного шара оно появилось в конце плейстоцена. По мнению Г. Кларка, человеку в мезолитическую эпоху были известны такие способы обработки камня, как полирование и сверление [1953]. Полированные каменные орудия отмечены в некоторых позднепалеолитических памятниках (Костенки IV) [Формозов, 1970]. Как считают Г.Ф. Коробкова и В.М. Массон «неолит» – один из терминов в системе археологической периодизации, характеризующий финальную ступень каменного века, отличительными признаками которой являются использование исключительно каменных и костяных орудий и, как правило, широкое распространение глиняной посуды [1978]. На сегодня у большинства исследователей не вызывает возражений когда-то предложенная Г. Чайлдом диффузионная концепция неолитизации: она доказана и обоснована не только на археологическом материале, но и при поддержке со стороны молекулярной генетики и компьютерного моделирования [Долуханов, 2000]. Ранний докерамический неолит на территории Ближнего Востока датируется VII–VI тыс. до н.э. Появление керамического производства на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане, связано с атлантическим периодом голоцена (VI тыс. до н.э.). В различных регионах Европы начальный этап неолита определяется началом V тыс. до н.э.

[Там же]. Согласно радиоуглеродным датам и результатам палинологического анализа, ранние неолитические комплексы лесостепной зоны Западной Сибири (Тоболо-Ишимье) соответствуют VI–V тыс. до н.э. [Зах, 2006]. Среднеазиатские ранненеолитические комплексы (дарьясайский этап) по нескольким радиоуглеродным датам и археологическим материалам отнесены к VI тыс. до н.э. [Виноградов, 1981]. Пока неразработаны единые критерии для определения содержания неолитической эпохи. Современные «постпроцессуальные» трактовки термина «неолит» учитывают изменения в сфере технологии, культуры, способе производства пищи, социальной организации и идеологии [Долуханов, 2000]. При работе с археологическим материалом, по мнению автора, технический критерий является основополагающим. В определении содержания неолита мы придерживаемся точки зрения Г.Ф. Коробковой и В.М. Массона [1978].

1.2. История исследования памятников мезолита и неолита Северного Казахстана с 1960–1970-х гг. до наших дней. Планомерное выявление раннеголоценовых памятников в Северном Казахстане (территория Тоболо-Иртышского междуречья в пределах 50–55° с.ш. и 62–77° в.д.) происходило в 1960–1970 гг., хотя первые памятники каменного века голоценового времени в пределах Кустанайского Притоболья были открыты еще в начале XX в., а в Петропавловском Приишимье – в середине XX в. [Зайберт, 1979]. Археологические открытия в Кустанайском Притоболье в первые десятилетия XX в. подробно рассмотрены С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным [1997], автор акцентирует внимание на истории исследования мезолита и неолита Северного Казахстана с 1960–1970-х гг. до наших дней. Благодаря систематическим изысканиям В.Ф. Зайберта, Т.М. Потемкиной, Г.Б. Здановича, В.Н. Логвина в указанном регионе были обнаружены десятки памятников каменного века голоценового периода. За последние 30–40 лет наиболее полно эпоха мезолита исследована в центральной части Северного Казахстана (Ишимо-Чаглинское междуречье). Открытие мезолитических памятников, локализующихся в микрорайонах Явленском, Убаганском, Тельманском, Виноградовском, обнаружение жилищ и хозяйственных конструкций на объектах Убаган III, Тельмана XIV а, наличие радиоуглеродных дат для стоянки Тельмана XIVа и изучение мезолитического материала со стратифицированных стоянок, позволили В.Ф. Зайберту поставить вопрос о существовании в районе Ишимо-Чаглинского междуречья мезолитической культуры, условно названной чаглинской, и наметить её периодизацию. В дальнейшем, рассматривая проблему культурной принадлежности выявленных микрорайонов,

исследователь выделил атбасарскую культуру и определил время её существования: поздний мезолит–средний неолит.

На территории Казахстанского Притоболья (Костанайская область) за последние 30 лет открыто и исследовано несколько десятков памятников эпох мезолита и неолита. Их активное изучение связано с именем В.Н. Логвина. В западной части Северного Казахстана (Кустанайское Притоболье) раннеголоценовый материал представлен намного скромнее, чем в Петропавловском Приишимье. В настоящее время здесь известны четыре памятника (Евгеньевка-1, Дузбай-6, Карасор-5, Карасор-6), на которых зафиксирован «чистый» мезолитический материал. Обнаруженные в результате разведки в 1999 г. на окраине пос. Узынагаш в Мендыкаринском р-не Костанайской области стоянки Узынагаш-1 и Каражар-2, по предварительным оценкам материала, относятся к мезолиту–неолиту [Подзюбан, 2001]. Мезолитический материал был получен при исследовании археологического комплекса Кульчукай-2, который расположен на северо-восточной окраине пос. Кульчукай в Мендыкаринском р-не, Костанайской обл. [Логвин А.В., 2005]. Памятник многослойный, но довольно сильно разрушенный под влиянием антропогенного и природных факторов, поэтому культурный слой сохранился частично. С нижним горизонтом Кульчукай-2 связана каменная индустрия эпохи мезолита. Материал из Кустанайского Притоболья на основе типологических сопоставлений и сравнений с коллекциями сопредельных территорий, в рамках относительной хронологии датируется поздним мезолитом. В Казахстанском Притоболье выделена неолитическая маханджарская культура [Логвин В.Н., 1991], однако, по мнению автора, поскольку стратифицированные памятники и погребения пока не выявлены, нет абсолютных дат, возникает ряд вопросов в отношении этой культуры, которые ещё ждут своего разрешения.

В Павлодарском Прииртышье (восточная часть Северного Казахстана) мезолитическую эпоху представляют находки из слоёв 6–4 многослойной стратифицированной стоянки Шидерты III. Несомненно, её изучение вносит определённые коррективы в представление о взаимосвязи в эпоху мезолита населения Северного и Центрального Казахстана, Алтайского и Западно-Сибирского регионов, но считать данный памятник эталонным для атрибуции мезолитических и неолитических комплексов Казахстана и Западной Сибири [Мерц, 2008], на взгляд автора, пока преждевременно. Необходимо исследовать однослойные памятники эпохи мезолита и неолита в этом регионе и провести сопоставление материалов, выявленных на однослойных памятниках с мезолитической и неолитической индустриями стоянки Шидерты III. Раннеголоценовые комплексы Павлодарского При-

иртышья имеют мало общего с материалами зауральской мезолитической культурной общности и мезолитическими индустриями с территории Тургайского прогиба. По-прежнему неизученным на территории Тоболо-Иртышского междуречья остаётся погребальный обряд мезолитического времени, поскольку раннеголоценовые погребения пока не обнаружены.

Глава 2. Физико-географическая характеристика Кустанайского Притоболья

В данной главе приводятся краткая физико-географическая характеристика и очерк палеогеографии описываемого региона.

2.1. Современные физико-географические условия. Одной из физико-географических особенностей Кустанайского Притоболья, занимающего северную часть Тургайского прогиба (48–54° с.ш., 62–67° в.д.), является значительная протяженность с севера на юг – более чем на 800 км. Регион характеризуют различные ландшафты – от лесостепей на севере до песчаных пустынь на юге. Территорию прогиба с севера на юг прорезает Тургайская ложбина. Она имеет плоское дно шириной 15–50 км и врезана на 200 м от ур. м. Склоны долины представляют собой расчлененные наклонные дренированные равнины, в пределах которых наблюдаются террасовидные ступени [Бобоедова, 1971]. Все реки рассматриваемого региона маловодны. Северо-Тургайскую равнину пересекает р. Тобол (левый приток Иртыша). Большинство притоков Тобола левобережные и берут начало в восточных склонах Южного Урала (Аят, Тогузак, Уй). Единственный правобережный приток – р. Убаган, которая начинается в районе оз. Шийли и протекает через цепь горько-соленых озер по дну Тургайской ложбины. Южно-Тургайскую равнину пересекает р. Тургай. Его притоки берут начало преимущественно на севере, они текут с западных склонов гор Улутау. Река Улы-Жиланшик расположена на крайнем юге плато и ориентирована так же, как и Тургай, в основном в широтном направлении. Территорию рассматриваемого региона покрывает сеть мелких речушек – карасу, которые в летний период полностью или частично пересыхают. Поверхность Тургайского прогиба покрывают озера (более 5 тыс.), суммарная поверхность которых составляет примерно 3 % общей площади региона. Характерными чертами климата на рассматриваемой территории являются засушливость и резкая континентальность. Климат в северной и южной частях различен. Современный климат на территории Тургайского прогиба вполне благоприятен для существования богатой и разнообразной флоры и фауны. За последние десятилетия активная деятельность человека внесла коррективы в современное рельефообразование Тургайского прогиба.

2.2. Палеоклиматические условия в первой половине голоцена.

Составить представление о климатических условиях первой половины голоцена на территории Тургайского прогиба можно, опираясь на результаты спорово-пыльцевого анализа торфяников в Костанайской обл. и последние реконструкции климата и природной среды эпохи голоцена на сопредельных территориях. Чрезвычайно интересны материалы обследований ряда торфяников и пресных озер, находящихся в Казахском мелкосопочнике и на южной окраине Западно-Сибирской низменности. Летом 1990 г. полевым отрядом Института географии АН СССР под руководством К.В. Кременецкого в замкнутой котловине в междуречье Тобола и Убагана в Боровском р-не Костанайской обл. было изучено болото Моховое – самый мощный торфяник в пределах Ишим-Тобольского водораздела и всего Северного Казахстана. В целом палинологические данные свидетельствуют о распространении здесь во второй половине атлантического периода лесостепи со злаковыми степями и березово-осиновыми колками. Рядом с озером произрастала черная ольха, что указывает на хорошие условия обводнения озерной котловины. Сосна росла на песчаных отложениях вместе с березой и не формировала сплошных боров. По мнению исследователей, сосна проникла в верховья Тобола с севера примерно тогда же, когда и на север Казахского мелкосопочника (6 500–6 000 л.н.). Судя по спорово-пыльцевой диаграмме отложений болота Моховое, в течение длительного времени, вплоть до субатлантического периода голоцена, сосна не могла вытеснить березу из лесов на песчаных террасах Тобола. Радиоуглеродные даты указывают на очень медленную скорость осадконакопления в озере. Обращает на себя внимание отсутствие слоёв, соответствующих большей части суббореального периода, что объясняется увеличением аридности и континентальности климата в это время. Только в конце суббореального периода (2 900–2 800 л.н.) с возрастанием общей увлажнённости территории и уменьшением континентальности климата произошло заболачивание озерной котловины. Общая структура растительного покрова в Тоболо-Ишимском междуречье во второй половине атлантического периода и конце суббореального была сходной. В составе спорово-пыльцевых спектров отмечается пыльца широколиственных пород – липы и дуба. В начале субатлантического периода (2 500–2 000 л.н.) скорость торфонакопления в болоте Моховое резко замедлилась. Изменения в составе палиноспектров позволяют предположить увеличение континентальности климата, сопровождавшееся исчезновением из состава лесов широколиственных деревьев. Эти данные созвучны с выводами В.В. Лаврова о том, что торфонакопление

в северо-казахстанской лесостепи началось во второй половине голоцена. М.И. Нейштадт и В.В. Лавров придерживаясь разных датировок и интерпретаций торфяников, проявляют солидарность по вопросу о сходстве этих торфяных месторождений с торфяниками лесостепи Западной Сибири и лесной полосы Восточной Европы, что позволяет в некотором смысле распространять последние результаты палеогеографических исследований этих территорий на регион Тургая.

По мнению А.Я. Брагина, лик Тургайского прогиба окончательно сформировался в бореальный период. Все катаклизмы в Западной Сибири гасились в Тургайском прогибе. В это время шло интенсивное вытаивание всех форм подземного льда. В результате в северной части прогиба образовались озерные котловины, западины и болотистые низины [Брагин, 2001]. Мы не можем определенно говорить обо всех климатических ритмах в рассматриваемом регионе, но вполне очевидно, что в бореальном и атлантическом периодах климатическая обстановка на территории Тургайского прогиба соответствовала климатическим процессам, которые происходили на сопредельных территориях. Сведения о льяляканском плювиале позволяют предполагать, что на территории прогиба климат первой половины голоцена был более влажным. Хотя на фоне повышенной увлажненности в бореале–атлантике были периоды относительного уменьшения степени увлажненности. В конце бореального периода на рассматриваемой территории климат был, вероятно, более влажный, чем современный. Благодаря этому получили распространение березово-сосновые редколесья с ольхой. Вывод о такой климатической обстановке находит подтверждение в спорово-пыльцевой диаграмме отложений Наурузумского торфяника. В начале атлантического периода (7 тыс. л.н.) климат, видимо, стал более сухим, что повлияло на распространение степных ландшафтов. На рубеже атлантического и суббореального периодов на территории Тургайского прогиба вновь проявилась аридизация, которая примерно в середине II тыс. до н.э. сменилась более влажным периодом. Температурный режим в атлантический период был близок современному. Различия между почвами современными и атлантического оптимума были незначительными. На протяжении атлантического оптимума как в Казахстане, так и в Западной Сибири интенсивно шел процесс черноземообразования [Рысков, Демкин, 1997]. По характеру ландшафта регион Тургайского прогиба на протяжении голоцена представлял собой степь с островными лесами.

Глава 3. Общая характеристика каменных индустрий памятников Кустанайского Притоболья

3.1. Основные принципы обработки каменной индустрии. Описание каменной индустрии голоценовых памятников Тургайского прогиба проводится в соответствии с технико-типологическим методом. Под каменной индустрией понимается «совокупность устойчиво повторяющихся типов заготовок (техника расщепления), типов вторичной обработки продуктов расщепления (техника ретуширования) и типов изделий (набор типов форм)» [Коробкова, 1975]. Анализ каменной индустрии голоценовых памятников Тургайского прогиба базируется на уже известных разработках Г.Ф. Коробковой [1975, 1977], Л.Я. Крижевской [1968], Г.Н. Матюшина [1976], Л.Г. Мацкевого [1971], Д.Я. Телегина [1978], Ю.Ф. Кирюшина, Т.И. Нохриной, В.Т. Петрина [1993], А.П. Деревянко, С.В. Маркина, С.А. Васильева [1994]. В процессе исследования использованы методические принципы анализа каменного инвентаря, некоторые технико-типологические и метрические параметры, базовые термины и наименования орудий у названных выше авторов. Для орудийного набора автор диссертации разработал и предложил свою классификационную схему, о чём будет говориться ниже. Индустрия исследовалась в три этапа: первичное расщепление; вторичная обработка; создание орудийного набора.

Первичное расщепление. Его характеризуют изделия, отражающие процессы подготовки и расщепления нуклеусов, а также вторичные заготовки – пластины и отщепы. Этапы изготовления и использования нуклеусов представлены заготовками (пренуклеусы), различными типами нуклеусов, обломками нуклеусов, нуклевидными обломками (на поверхности сохраняется несколько негативов от сколов пластин) и продуктами «омоложения» нуклеусов (вертикальные, горизонтальные, краевые сколы, ребристые пластины).

Вторичная обработка. Рассматриваются орудия со следами ретуширования, оббивки, шлифования, подтёски и нанесения резцового скола.

Орудийный набор. В результате анализа каменного инвентаря исследуемых памятников с территории Тургайского прогиба для орудий мезолита и неолита были созданы открытые классификационные схемы (тип-листы). Ядро классификации орудийных наборов для мезолита и неолита – разделение на группы, категории, типы, варианты. Определённые формы заготовок устойчиво повторяются в коллекциях памятников мезолита и неолита Тургайского прогиба, поэтому разделение орудий на группы производилось по характеру заготовки, на которой выполнено изделие. В орудийном наборе

выделены группы изделий, выполненных из пластин, отщепов, пластинчатых отщепов, желваков, плиток, а также прочие орудия (изделия для обработки камня и шлифованные орудия). Группы орудий делятся на категории, а они на типы и варианты. Группы орудий обозначены римскими цифрами (I–V), категории, типы, варианты – арабскими. Например: группа – орудия из пластин (I), категория – геометрические орудия (1), тип – трапеции (1), вариант – симметричные без выемки на верхнем основании (1), асимметричные (2), симметричные «рогатые» (3) и др.

3.2. Описание памятников. В научный оборот в полном объеме вводятся материалы археологических памятников Кустанайского Притоболья Карасор-5, Карасор-6, Бестамак-4, Узынагаш-1, Каражар-2, Урочище Кушек-4, которые изучались автором в 1998 – 2007 гг.

3.3. Техно-типологический анализ каменного инвентаря. В основу исследования специфики каменного инвентаря Тургайского прогиба положены материалы 41 археологического объекта, изучавшиеся в 1970–2007 гг. Количественный состав коллекций каменных изделий этих объектов различен – от 85 экз. (Сор-1) до 12 034 экз. (Бестамак-1-1982 г.). Наименее представительные коллекции (несколько сотен единиц) были получены на объектах Карасор-5; Карасор-6; Туз-1; Светлый Джаркуль-3; Маханджар; Сор-2; Дузбай-3-1979 г., котловина А, сектор 3; Дузбай-4; Дузбай-7; Дузбай-10; Узынагаш-1; Каражар-2; Урочище Кушек-4. Наиболее многочисленны (4 000–12 000 экз.) комплексы с поселения Бестамак. Коллекции с большинства исследованных памятников состоят из 500–3 000 экз. Различия в количественном составе коллекций каменных изделий объясняется характером изучения памятников. Такие объекты, как Маханджар [Логвин В.Н., Махмутова, 1979г]; Сор-1, Сор-2, Мазар [Логвин В.Н., 1979б]; Дузбай-4, Дузбай-7, Дузбай-10 [Логвин В.Н., Зайдулин, 1980г]; Туз-1 [Логвин В.Н., Гребенюков, 1986]; Узынагаш-1; Каражар-2; Урочище Кушек-4, исследовались в ходе разведывательных работ. Памятники Екидин-24 [Логвин В.Н., 1990]; Дузбай-6 [Логвин В.Н., 1981б]; Солёное Озеро-2 [Логвин В.Н., 1979в]; Амангельды [Логвин В.Н., 1973]; Светлый Джаркуль-1, Светлый Джаркуль-2, Светлый Джаркуль-3 [Логвин В.Н., 1979а]; Дузбай-1-1979 [Логвин В.Н., 1980б], Дузбай-1-1984 [Логвин В.Н., Гребенюков, 1985]; Дузбай-2 [Логвин В.Н., Махмутова, 1980д]; Дузбай-3-1979 [Логвин В.Н., 1980в]; Дузбай-3-1980 [Логвин В.Н., Калиева, Зайдулин, 1981в]; Дузбай-9 [Калиева, Мазниченко, 1985]; Дачная [Логвин В.Н., 1980а]; Кара-Мурза-6 [Логвин В.Н., Колбин, 1992; Подзюбан, 2001]; Алкау-2 [Логвин В.Н., 1981а]; Надеждинка-2 [Калиева, Логвин В.Н., 1991]; Буруктал-1 [Гребеню-

ков, Крец, 1984]; Бестамак-1 [Логвин В.Н., Зайдулин, Калиева, 1982; Логвин В.Н., Калиева, Гребенюков, 1983; Логвин В.Н., Гребенюков, 1984]; Бестамак-2 [Логвин В.Н., Зайдулин, Калиева, 1982]; Бестамак-3 [Логвин В.Н., Гребенюков, 1984]; Бестамак-4 [Подзюбан, Логвин А.В., 2002] изучались при проведении стационарных работ. На остальных объектах (Евгеньевка-1 [Логвин В.Н., 1977, с. 270–275]; Карасор-5; Карасор-6; Светлый Джаркуль [Логвин В.Н., 1979а]; Дузбай-3-1979 г., котловина А, В, Г [Логвин В.Н., 1980в] проводились сборы с поверхности без учета планиграфии залегания находок. На раскопанных археологических объектах выявлены преимущественно разновременные материалы – от раннего голоцена до эпохи бронзы. На памятниках Дузбай-6, Солёное Озеро-2 и Екидин-24 представлены «чистые» и эталонные комплексы [Логвин В.Н., 1991; Логвин А.В., 2002].

Технико-типологический анализ каменного инвентаря исследованных памятников проведён с учётом следующих показателей:

- продукты первичного расщепления;
- морфологические параметры пластин (типы площадок, типы дистальных частей, формы медиальных частей);
- размеры пластин и орудий на пластинах (основное внимание уделяется ширине заготовки);
- процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов;
- следы приём вторичной обработки;
- типологический состав орудийного набора.

Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья. В результате минералогического, петрографического и, частично, литологического анализа, проведенного начальником Каратомарской партии Л.Н. Попковой и начальником минералогического отдела АООТ «КГЭЭ» О.В. Карзановой, установлено, что древнейшее население Тургайского прогиба в качестве сырья использовало силицитовые породы халцедоно-кварцевого состава, в т. ч. яшмы, фтаниты, кварцитопесчаники [письменное заключение Л.Н. Попковой, О.В. Карзановой].

Сравнение каменного инвентаря по характеру использованного сырья и технико-типологическим параметрам, на взгляд автора, находки из памятников Евгеньевка-1, Дузбай-6, Карасор-5, Карасор-6, Туз-1, Дачная, Узынагаш-1, Каражар-2 позволяет объединить в первую группу. Для этой группы характерно следующее:

- каменные изделия изготавливались преимущественно из халцедонолита, фтанита, яшмы, кремнистого алевролита;

– пластины снимались с конусовидных, призматических и карандашевидных нуклеусов, при этом количественно преобладают конусо- и карандашевидные нуклеусы. Высота нуклеусов 25–49 мм, толщиной 8–12 мм. Судя по пропорциям пластин, применялась, вероятно, техника ручного отжима [Гиря, 1997];

– пластины с площадками точечного и линейного типов составляют 80–90 %. На памятниках Дузбай-6, Карасор-5, Карасор-6, Туз-1 пластины с площадками точечного типа достигают 89–96 %. На Евгеньевке-1 пластины с площадками точечного (47 %) и линейного (34 %) типов представлены в равной мере. На Евгеньевке-1 и Карасоре-5 преобладают пластины с дистальными частями петле- и перообразного типов: на первом объекте 71 %, на втором – 86 %. Среди медиальных частей пластин в качестве заготовки используются в основном прямоугольные (69–76 %) и трапециевидные (16–23 %) формы;

– доминируют пластины и орудия из пластин шириной до 6,9 и 7,0–10 мм и толщиной 1,0–1,9 мм, длиной (целые пластины) 14–51 мм. Размеры пластин соотносятся с высотой нуклеусов и толщиной негативов пластин;

– преобладают пластины над отщепами как среди заготовок, так и среди орудий;

– в качестве вторичной обработки использовались ретуширование, резцовый скол или их комбинация. Отсутствуют приёмы бифасиальной обработки и шлифования. Среди признаков ретуши преобладает регулярная, краевая с доминированием плоской, полукрутой (Дузбай-6 и Евгеньевка-1) или крутой и полукрутой (Карасор-5, Карасор-6 и Узынагаш-1);

– в набор орудий из пластин входят геометрические микролиты (асимметричные трапеции), пластины с притупленным краем, пластины с ретушью на торце, пластины с ретушью по боковым краям, угловые и боковые резцы, скребки и острия на пластинах. Орудия из отщепов представлены единичными скребками и отщепами с ретушью.

Каменные индустрии памятников Евгеньевка-1, Дузбай-6, Карасор-5, Карасор-6, Туз-1, Узынагаш-1, Каражар-2, Дачная можно предварительно объединить в группу мезолитических. В вопросе об определении хронологических границ раннего голоцена мы придерживаемся мнения М.И. Нейштадта [1983]. В коллекции стоянки Дачная присутствует помимо мезолитического более поздний комплекс.

Материалы памятников (Солёное Озеро-2, Екидин-24, Кара-Мурза-6, Бестамак-1, Бестамак-2, Бестамак-3, Бестамак-4, Буруктал-1, Алкау-2, На-

деждинка-2, Амангельды, Дузбай-1, Дузбай-2, Дузбай-3, Дузбай-4, Дузбай-7, Дузбай-9, Дузбай-10, Урочище Кушек-4, Сор-1, Сор-2, Мазар, Маханджар, Светлый Джаркуль-1, Светлый Джакуль-2, Светлый Джаркуль-3, Светлый Джаркуль сборы с поверхности), изучавшиеся по тем же показателям, что и первая группа, можно отнести ко второй группе. Каменные индустрии этих памятников отличаются следующими особенностями:

- изделия изготавливались преимущественно из кварцита и кварцито-песчаника;

- для снятия пластин использовались конусовидные, но чаще одноплощадочные призматические нуклеусы. Высота нуклеусов 22–104 мм, толщина 11–57 мм. Возможно, для получения пластин применялась техника не только ручного отжима, но и усиленного [Гиря, 1997];

- пластины с площадками точечного и линейного типов составляют 62–89 %. Появляются пластины с фасетированными (9–25 %) и гладкими (5–10 %) площадками. Пластины с дистальными частями петле- и перообразного типов доминируют на Урочище Кушек-4 (56 %), Екидине-24 и Солёном Озере-2 (76 %), но их доля несколько меньше, чем на памятниках мезолитической группы за счёт присутствия на последних ступенчатого дистального типа. Среди медиальных частей пластин существенно преобладают прямоугольные (47–62 %) и трапециевидные (34–37 %) формы;

- доминируют пластины и орудия из пластин шириной 7–10, 11–15 мм с тенденцией увеличения ширины орудий из пластин и толщиной 2,0–3,9 мм, длина целых пластин от 19 до 76 мм. Размеры пластин соответствуют высоте нуклеусов и толщине негативов пластин;

- отщепы без признаков вторичной обработки значительно превалируют над пластинами;

- орудия из пластин заметно преобладают над орудиями из отщепов;

- в качестве приёмов вторичной обработки использовались ретуширование, резцовый скол, пиление, сверление, бифасиальная обработка, шлифование, обивка. Орудия оформлялись преимущественно регулярной, краевой, крутой ретушью;

- набор орудий из пластин представлен наконечниками стрел, резчиками, пилками, прямоугольниками, параллелограммами, треугольниками, симметричными трапециями, в т. ч. «рогатыми». В орудийном наборе присутствуют бифасиально обработанные и шлифованные изделия, рубящие орудия, «утожки» и разнообразные орудия из отщепов (в основном ретушированные скребки и отщепы).

По ряду выше обозначенных технико-типологических параметров в каменных индустриях памятников второй группы предположительно присутствует неолитический материал в разных пропорциях.

Таким образом, результаты сравнительного анализа каменных индустрий по ряду технико-типологических признаков, позволяют выделить на территории Тургайского прогиба две группы памятников.

Глава 4. Периодизация и корреляция мезолитических и неолитических памятников Кустанайского Притоболья.

Для определения хронологической принадлежности каменных индустрий исследуемых памятников Кустанайского Притоболья изучаемый материал необходимо сопоставить с материалами стоянок сопредельных территорий, на которых имеются стратифицированные памятники и объекты с радиоуглеродными датами.

Материалы первой группы памятников Тургайского прогиба (Карасор-5, Карасор-6, Дузбай-6, Евгеньевка-1, Туз-1, Узынагаш-1, Каражар-2, Дачная) по основным технико-типологическим параметрам обнаруживают близкое сходство с материалами мезолитических памятников Южного и Среднего Зауралья (Андреевка III, Мариинская I, Сухрино I, Выйка II, Крутяки I) и лесостепной зоны Тоболо-Иртышского междуречья (Убаган III, Камышное I, Тельмана VIIa) [Беспрозванный, Мосин, 1996; Стоянов, Крижевская, Старков, 1977; Сериков, 2000; Зайберт, Потёмкина, 1981]. Исключением является коллекция стоянки Дачная, в которой присутствует помимо мезолитической индустрии более поздний комплекс. Особенность первой группы памятников Тургайского прогиба – отсутствие торцовых и клиновидных нуклеусов, которые характерны для мезолитических индустрий Южного и Среднего Зауралья и лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. Несомненно, мезолитические материалы Тургайского прогиба сопоставляются с зауральской мезолитической культурной общностью, которая, по мнению В.С. Мосина, могла сформироваться на местной позднелесостепной основе (Игнатиевская пещера, Шикаевка II, Троицкая I, Черноозерье II и др.) и в тесной взаимосвязи с культурами Восточного Прикаспия [Мосин, 2005]. Гипотеза о проникновении населения эпохи мезолита в Среднюю Азию и Южный Урал со стороны Ближнего Востока актуальна и сегодня [Виноградов, 1979; Матюшин, 1976]. На территории Тургайского прогиба пока не выявлены палеолитические стоянки, поэтому проследить генезис местных раннеголоценовых индустрий не представляется возможным. Мезолитические памятники Тургайского прогиба В.Н. Логвин, учитывая набор орудий, делит на две группы: первая – Евгеньевка-1 и Туз-1; вторая – Дузбай-6,

Убаган III, Дачная. Отличие от материалов стоянок первой группы в том, что в орудийном наборе памятников второй группы отсутствуют асимметричные трапеции и пластины с притупленным краем. В коллекции орудий объектов первой группы таковые представлены только в орудийном наборе стоянки Евгеньевка-1. Орудийный набор стоянок Карасор-5 и Карасор-6 также не включает геометрические микролиты и пластины с притупленным краем, поэтому коллекции этих памятников были сопоставлены с материалами второй группы мезолитических памятников Тургая (Дузбай-6, Дачная) [Подзюбан, 2002]. Культурная принадлежность первой группы мезолитических памятников Тургайского прогиба В.Н. Логвиным определяется наличием в этих материалах асимметричных трапеций и связывается с ареалом мезолитических индустрий, которые простираются от Среднего и Южного Зауралья до Прикаспия. Мезолитические материалы памятников второй группы, в орудийном наборе которых не имеется геометрических орудий и ярко выражен микролитизм пластинчатой индустрии, по мнению В.Н. Логвина, сходны с западно-сибирскими и среднезауральскими. По набору орудий и микролитизму пластинчатой индустрии исследователь также прослеживает близость между коллекциями второй группы памятников и материалами Черноозерья II [2002]. Как считает автор, предложенное В.Н. Логвиным разделение мезолитических памятников территории Тургайского прогиба на две группы нельзя считать правомерным, поскольку в материалах раннеголоценовых памятников Среднего Урала и Западной Сибири, например Кондинского бассейна, присутствуют геометрические микролиты, в т. ч. асимметричные трапеции [Сериков, 1988; Сериков, 1983; Сериков, 2000; Мосин, 2000; Беспрозванный, 1997]. Что касается микролитизма пластинчатой индустрии, характерной для второй группы мезолитических памятников Тургайского прогиба, то он, несомненно, более выражен на Дузбае-6, чем в таких памятниках первой группы, как Евгеньевка-1 и Туз-1, но по показателям микролитовидности существенно отличается от материалов мезолитических памятников таёжной зоны Западной Сибири. В индустриях Верхнекондинского района ширина пластин не превышает 0,6 см, а в индустриях Среднекондинского района до 80 % пластин имеют ширину 0,5–0,6 см. При этом автором исследований в этом регионе отмечается близость по ряду показателей каменных индустрий между мезолитическими поселениями Среднекондинского р-на и позднелепелитической стоянкой Черноозерье II [Беспрозванный, 1997]. В 1960–1970-х гг. у специалистов не было единого мнения об особенностях зауральского мезолита. Некоторые исследователи придерживались гипотезы о макролитическом

характере зауральского мезолита [Бадер, 1966; Брюсов, 1962]. По мнению А.П. Окладникова, к востоку от Урала в мезолите продолжали сохраняться палеолитические традиции с преобладанием крупных орудий и отсутствием геометрических микролитов [1966]. Микролитизм пластинчатой индустрии, отсутствие в наборе орудий геометрических изделий и пластинок с притупленным краем – таковы характеризующие признаки мезолитических памятников лесостепного и лесного Зауралья [Старков, 1980]. В выводы О.Н. Бадера, А.Я. Брюсова, А.П. Окладникова, В.Ф. Старкова относительно специфики зауральско-западносибирского мезолита внесены коррективы исследованиями в этом регионе 1990-х гг. и последних лет. Необходимо отметить, что в зауральских мезолитических материалах геометрические орудия представлены единичными образцами или отсутствуют вовсе. Например, они имеются в орудийном наборе южно-уральской стоянки Андреевка III, но их нет в коллекции южно-уральской стоянки Мариинская I. Подобное прослеживается и по коллекциям раннеголоценовых памятников Тургайского прогиба. Кроме того, на территории Тургайского прогиба пока не известны однослойные мезолитические памятники как, впрочем, и многослойные стратифицированные. Большая часть мезолитических материалов Тургайского прогиба (шесть из восьми памятников), связываемых с зауральской мезолитической общностью, получена в результате сборов с поверхности. Естественно, остаётся открытым вопрос о стратиграфической позиции первой и второй групп мезолитических памятников Тургайского прогиба. В этой связи выделение в мезолитических комплексах исследуемого региона двух групп памятников, по мнению автора, не совсем оправданно. Хронологические рамки мезолитических памятников Тургайского прогиба на современном этапе исследований ввиду отсутствия радиоуглеродных дат можно определить в пределах относительных временных границ. Мезолитические памятники Южного Урала датируются IX–VII тыс. до н.э. [Мосин, 2006]. В лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья памятники (Убаган III, Убаган VIIIa, Камышное I) отнесены к позднему мезолиту [Зайберт, Потёмкина, 1981]. Начальный этап позднего мезолита в этом регионе отражает радиоуглеродная дата для стоянки Тельмана XIVa – 10 540±200 л.н., т.е. IX тыс. до н.э., а финал мезолита датируется VII тыс. до н.э. [Зайберт, 1992]. Следовательно, мезолитические памятники на территории Тургайского прогиба укладываются в пределы IX–VII тыс. до н.э., что не противоречит выводам В.Н. Логвина о хронологической принадлежности двух групп мезолитических памятников региона [2002].

Каменные индустрии второй группы памятников (Солёное Озеро-2, Екидин-24, Кара-Мурза-6, Бестамак-1, Бестамак-2, Бестамак-3, Бестамак-4, Буруктал-1, Алкау-2, Надеждинка-2, Амангельды, Дузбай-1, Дузбай-2, Дузбай-3, Дузбай-4, Дузбай-7, Дузбай-9, Дузбай-10, Урочище Кушек-4, Сор-1, Сор-2, Мазар, Маханджар, Светлый Джаркуль-1, Светлый Джакуль-2, Светлый Джаркуль-3, Светлый Джаркуль сборы с поверхности) Тургайского прогиба, проявляют сходство с материалами неолитических памятников Южного Зауралья, Среднеазиатского междуречья и Петропавловского Приишимья. Вероятно, территории Южного Зауралья, Петропавловского Приишимья, Тургайского прогиба, Приаралья и Кызылкумов, по крайней мере, в эпоху неолита входили в единое культурное пространство. Каменные индустрии этих территорий, несмотря на определённые региональные особенности, начиная с раннего неолита, объединяет ряд характерных признаков: появление симметричных трапеций, в т. ч. «рогатых», доминирование пластинчатой индустрии и сохранение микролитонности пластин. Региональные особенности, например, Южного Зауралья проявляются в том, что в неолитических комплексах отсутствуют «рогатые» трапеции, хотя на памятниках позднего неолита встречаются наконечники кельтеминарского типа. Для ранне неолитического этапа атбасарской культуры (тельманская группа памятников) характерны «рогатые» трапеции, но наконечники кельтеминарского типа на памятниках неолита Петропавловского Приишимья не обнаружены. В орудийном наборе второй группы памятников Тургайского прогиба присутствуют как «рогатые» трапеции, так и наконечники кельтеминарского типа (Светлый Джаркуль-1, Амангельды). Материалы ранне неолитических памятников атбасарской культуры, Южного Зауралья и второй группы памятников Тургайского прогиба включают наконечники из медиальных частей пластин подтреугольной вытянутой формы, у которых перьевая часть оформлялась краевой ретушью с вентрала или с двух сторон. Подобные наконечники из пластин неизвестны в неолитических комплексах Кызылкумов. На эталонных памятниках маханджарской культуры (конец VII–IV тыс. до н.э.) [Логвин В.Н., 2002] такие наконечники из пластин отсутствуют, они встречаются только в смешанных комплексах второй группы памятников Тургайского прогиба (Кара-Мурза-6, Бестамак, Дузбай-3), но автор, сопоставляя эти материалы с ранне неолитическими комплексами атбасарской культуры и Южного Зауралья, находит возможным отнести названные наконечники к раннему неолиту этого региона. С данным периодом можно связать сосуществование асимметричных и симметричных трапеций в орудийном наборе памятников

раннего неолита Тургайского прогиба, но среди орудий эталонных памятников маханджарской культуры асимметричные трапеции отсутствуют. Возможность одновременного бытования асимметричных и симметричных трапеций не исключал и В.Н. Логвин [2002]. Действительно, если выводить маханджарскую культуру из мезолита Тургайского прогиба [Логвин В.Н., 2002], то следует признать неизбежным сосуществование этих трапеций на памятниках раннего этапа неолита региона; подтверждением этого служат находки из слоя Va пещеры Джебел [Окладников, 1956], из памятников дарьясайского этапа Кызылкумов (Учащи-131) [Виноградов, 1981] и Южного Урала [Мосин, 2000]. Возможно также, что асимметричные трапеции являются показателем присутствия мезолитического материала на памятниках Тургайского прогиба со смешанным комплексом. Решение вопроса о генетической связи мезолитических памятников Тургайского прогиба с маханджарской культурой затруднено, поскольку в Кустанайском Притоболье раннеголоценовые комплексы слабо изучены, пока не обнаружены многослойные памятники каменного века, нет радиоуглеродных дат для маханджарской культуры, на рубеже мезолита и неолита произошла смена сырьевой базы, единичными образцами представлены геометрические изделия (симметричные трапеции, параллелограммы) в орудийном наборе эталонных памятников маханджарской культуры, отсутствуют асимметричные трапеции и наконечники на пластинах со следами краевой обработки перьевой части, к тому же маханджарская керамика качественная во всех отношениях, по мнению автора, не отвечает самому раннему этапу неолита Тургайского прогиба. В ранненеолитических комплексах Петропавловского Приишимья, Южного Зауралья и Кызылкумов керамика малочисленна, фрагментарна и не всегда хорошего качества [Мосин, 2000; Зайберт, 1992; Виноградов, 1981]. Не вызывает сомнения преемственность между мезолитическими и неолитическими памятниками в Южном Зауралье. Здесь стабильно использовалась одна сырьевая база, в неолитических коллекциях продолжали преобладать асимметричные трапеции, несмотря на появление других геометрических орудий. При отсутствии радиоуглеродных дат для маханджарской культуры невозможно однозначно определить временной диапазон её существования, поэтому вопрос о переходном этапе от мезолита к неолиту пока остаётся открытым. На эталонных памятниках маханджарской культуры в орудийном наборе отсутствуют асимметричные трапеции и наконечники на пластинах с признаками краевой обработки перьевой части; эти типы орудий мы связываем, опираясь на сопоставление с материалом сопредельных территорий, с ранненеолитическим комплексом ка-

менной индустрии Тургайского прогиба. Можно сделать вывод, что маханджарская культура не отражает ранний этап неолита на территории Тургайского прогиба. Нам представляется, что время существования маханджарской культуры (VII–IV тыс. до н.э.), охватывающее весь период неолита [Логвин В.Н., 2002], может быть скорректировано в результате сравнения каменных индустрий Тургайского прогиба с материалами сопредельных территорий и привлечения радиоуглеродных дат для объектов Южного Зауралья, Среднего Зауралья, лесного Тоболо-Ишимья и Среднеазиатского междуречья. Для Южного Зауралья пока есть только одна радиоуглеродная дата для неолитического слоя стоянки Березки – $7\,600 \pm 200$ л.н., т. е. VI тыс. до н.э. [Мосин, 2005]. В.С. Мосин, рассмотрев неолит Южного Зауралья (чебаркульская культура) в системе культур сопредельных территорий, датирует его VI – первой половиной IV тыс. до н.э. [2006]. В.А. Зах относит ранние неолитические комплексы боборыкинской культуры в Тоболо-Ишимье к началу атлантического периода голоцена. Радиоуглеродные даты для жилищ 1 и 2 поселения Юртобор-3 ($7\,701 \pm 120$ л.н. (УПИ-559) и $9\,025 \pm 70$ л.н. (СОАН- 5311)), ЮАО-18 ($9\,140 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-2296)), Ташково-1 ($7\,440 \pm 60$ л.н. (ЛЕ- 1534)), а также спорово-пыльцевые спектры из культурного слоя поселения Мergenъ-3 ($8\,310$ – $6\,650$ л.н., $8\,000$ – $5\,000$ л.н. по европейской хронологической шкале) определяют положение боборыкинских комплексов концом бореального – началом атлантического периода, т. е. VI тыс. до н.э. [Зах, 1995, 2001, 2006; Усачёва, 2001; Тимофеев, Зайцева, 1996]. Если отталкиваться от радиоуглеродных дат для жилищ 1 поселения Исетское Правобережное ($7\,950 \pm 1\,290$ л.н. (ЛЕ-3064) и $8\,400 \pm 400$ л.н. (ЛЕ-3068)) [Ковалёва, Зырянова, 2001], то возраст неолита Среднего Зауралья не выходит за рамки VI–IV тыс. до н.э. Об этом же свидетельствуют материалы торфяниковых памятников Зауралья (Кокшарово I; Шигирский Исток I, II; стоянка Стрелка и др.) [Мосин, 2006]. Для раннего неолита кельтеминарской культуры (дарьясайский этап) имеются две радиоуглеродные даты, полученные для стоянки Учаши-131 ($6\,630 \pm 100$ л.н. (ГИН-915) и $6\,590 \pm 130$ л.н. (ГИН-916)), что соответствует второй четверти V тыс. до н.э. Поскольку для датирования были взяты образцы погребённой почвы, отделённой от культурного слоя аллювием, А.В. Виноградов определяет время стоянки Учаши-131 второй половиной – концом VI тыс. до н.э., а весь дарьясайский этап предположительно – от конца VII до середины V тыс. до н.э. [1981]. По приведённым данным, начальный этап неолита на соседних с Тургайским прогибом территориях относится к началу атлантического периода голоцена,

т.е. к VI тыс. до н.э. С этим же временем, на взгляд автора, вполне допустимо связывать начало неолита на территории Тургайского прогиба. Согласно материалам комплексов Среднеазиатского междуречья (Джанбас-4, стоянка Толстова, Кават-7, Джингельды-11), двусторонне обработанные орудия и шлифованные изделия, в т.ч. «утюжки», появились в период развитого неолита кельтеминарской культуры (джанбасский этап), который датируется концом V–IV тыс. до н.э. [Виноградов, 1981]. В коллекциях эталонных неолитических памятников Тургайского прогиба (Солёное Озеро-2, Екидин-24) присутствуют двусторонне обработанные орудия и шлифованные изделия, что позволяет предположить, что нижняя граница маханджарской культуры может быть моложе. Решить этот вопрос затрудняет отсутствие среди орудий эталонных неолитических памятников Тургайского прогиба наконечников кельтеминарского типа, которые получили распространение на джанбасском этапе кельтеминарской культуры. На стоянке Светлый Джаркуль зафиксирована серия таких наконечников, но маханджарская керамика не обнаружена. Среди керамики, найденной на стоянке Амангельды, отмечен один обломок наконечника кельтеминарского типа, он залегал вместе с наконечниками из пластин, у которых пальчатой ретушью с вентрала оформлено перо. Подобные наконечники из пластин связываются с материалами позднего неолита лесостепного и лесного Южного Зауралья [Мосин, 2000]. Сопоставляя косвенные данные, можно предположить, что наконечники кельтеминарского типа не характерны для маханджарской культуры, возможно, они появились позже неё. Следовательно, в рамках относительной хронологии верхняя граница маханджарской культуры определяется концом V–IV тыс. до н.э., что не противоречит выводам В.Н. Логвина [2002]. С этим же периодом связывает появление наконечников кельтеминарского типа в Южном Зауралье В.С. Мосин, открывший чебаркульскую культуру [2006]. Нижнюю границу маханджарской культуры с учётом вышеприведённых доводов, на взгляд автора, не следует относить к самому началу неолита (VI тыс. до н.э.). Видимо, материалам маханджарской культуры предшествовали более ранние неолитические комплексы, выводы о существовании которых можно сделать, опираясь на сопоставление смешанного материала второй группы памятников Тургайского прогиба с коллекциями сопредельных территорий. Ареал наконечников кельтеминарского типа, судя по современным археологическим данным, очень обширен. Прослеживается два направления распространения этих орудий: северное – от Восточного Прикаспия [Окладников, 1956] и Среднеазиатского междуречья [Виноградов, 1981] через Тургайский прогиб (Светлый Джар-

куль, Амангельды) до Южного и Среднего Зауралья [Мосин, 2006; Косарев, 1996]; восточное – от Южного и Восточного Казахстана [Таймагамбетов, Нохрина, 1998; Виноградов, 1979; Коробкова, 1969] до Горного Алтая (комплекс 5А поселения Тыткескен-2) [Кирюшин, Кирюшин, 2008]. В Петропавловском Приишимье (атбасарская неолитическая культура) наконечники кельтеминарского типа отсутствуют. Поскольку на памятниках Тургайского прогиба, Южного и Среднего Зауралья кельтеминарские наконечники представлены едиными образцами, то говорить о миграции населения на эти пространства из Средней Азии в позднем неолите не приходится. Хотя наличие указанных наконечников на неолитических стоянках Тургайского прогиба позволяет сделать вывод о контактах населения этой территории с жителями Средней Азии, но определить характер этих контактов пока не представляется возможным. Возвращаясь к вопросу о неолитическом культурном ареале, который протянулся от Южного Зауралья до Ишима на востоке и Кызылкумов на юге, автор поддерживает предположения А.В. Виноградова о среднеазиатско-североказахстанских (Тоболо-Ишимское междуречье) культурных взаимодействиях [1981]. Надо полагать, что в VII–VI тыс. до н.э. имели место контакты между соседствующими племенами или инфильтрация населения из Среднеазиатского междуречья на территорию Тургайского прогиба и на сопредельные пространства – на востоке до Ишима, на западе до Южного Зауралья. Вероятно, население, проникшее в Казахское Притоболье с юга Тургайского прогиба, начало осваивать новые источники сырья (кварцит и кварцитопесчаник), характерные для этого региона, что позволяет объяснить смену сырьевой базы на рубеже мезолита и неолита. С пришлым населением связано и распространение симметричных трапедий прежде всего в Тоболо-Ишимском междуречье. Предположение о проникновении населения с территории Среднеазиатского междуречья на юг Тургайского прогиба подтверждается материалами стоянки Екидин-24, являющейся, по определению А.В. Логвина, эталонным памятником маханджарской культуры [2002]. В.А. Зах пришел к выводу, что в начале атлантического периода носители отступающе-прочерченной орнаментальной традиции из Северного Прикаспия и Средней Азии направились в лесостепные районы по Тоболу и Ишиму, а в таёжные – по восточным склонам Урала [2006]. В.С. Мосин нашел целый ряд сходных признаков между неолитическими стоянками Южного Зауралья и кельтеминарскими памятниками Среднеазиатского междуречья [2006]. Восточную границу зоны распространения неолитических симметричных трапедий, в т.ч. «рогатых», с точки зрения автора,

маркируют памятники тельманской группы атбасарской культуры. Именно её материалы наиболее близки каменным индустриям неолитических памятников Тургайского прогиба и аналогичны маханджарской керамике стоянки Жабай-Покровка-1 [Зайберт, 1992]. Неолитические памятники, расположенные восточнее Петропавловского Приишимья, например в Павлодарском Прииртышье (Шидерты III), имеют мало сходного с неолитическими стоянками Тургайского прогиба. Комплексы раннего – позднего неолита представлены в слоях 3, 2б, 2а, 2 стоянки Шидерты III. На этой многослойной стоянке на всех этапах неолита в качестве сырья использовались микрокварциты и кремнисто-глинистые породы, помимо конусовидных и призматических обнаружены клиновидные нуклеусы, в орудийном наборе устойчиво присутствуют асимметричные трапеции и единичные сегменты [Мерц, 2008]. Учитывая эти особенности, можно утверждать, что неолитические шидертинские комплексы имеют мало общего с неолитическими комплексами Тургайского прогиба и только в отдельных деталях сходны с каменной индустрией атбасарской культуры (единичные сегменты обнаружены на стоянке Тельмана X и в слое 2б памятника Шидерты III) [Зайберт, 1992; Мерц, 2008]. При существенных различиях неолитические индустрии Тургайского региона, Петропавловского Приишимья и Павлодарского Прииртышья объединяет такой признак, как доминирование пластинчатой индустрии. Обнаруживаются значительные различия между мезолитическими материалами Тургайского прогиба и стоянки Шидерты III (слои 6–4). На всех этапах существования раннеголоценового комплекса Павлодарского Прииртышья для получения микропластин использовались конусовидные и призматические, а также торцовые и клиновидные нуклеусы. Орудия изготавливались не только на пластинах, но и отщепях; в орудийном наборе геометрические микролиты представлены мелкими симметричными трапециями [Мерц, 2008]. Необходимо подчеркнуть, что между мезолитическими и неолитическими комплексами Тургайского прогиба и аналогичными комплексами стоянки Шидерты III имеется больше различий, чем сходства. Можно предположить, что Петропавловское Приишимье явилось зоной контактов двух неолитических культурных ареалов. Мезолитические и неолитические комплексы, расположенные западнее Южного Зауралья, в Северном Прикаспии, только по нескольким показателям близки к комплексам Тургайского прогиба: среди орудий преобладают изделия из пластин, ширина пластин-заготовок и орудий из них не превышает 1 см. Для орудийного набора и мезолитических (стоянки жекалганского и итайского типов), и неолитических (Каиршак I, Джангар) памятников

Северного Прикаспия характерны устойчивые сочетания таких геометрических изделий, как сегменты и параллелограммы [Васильев, Выборнов, Комаров, 1991; Кольцов, 1988; Выборнов, Козин, 1988]. В аналогичных мезолитических материалах стоянок Тургайского прогиба и Южного Зауралья подобные геометрические орудия не встречаются. Неолитические комплексы этих регионов содержат единичные параллелограммы. Мезолитические и неолитические индустрии Северного Прикаспия отражают влияние в основном материалов Кавказа и Северного Причерноморья, а мезолитические комплексы Северного Казахстана – Зауралья [Васильев, Выборнов, Комаров, 1991]. Отдалённые аналогии прослеживаются между неолитическими материалами Тургайского прогиба и каменным инвентарём из неолитического слоя Ивановской стоянки в Оренбургской обл. Они близки по следующим показателям: нуклеусы представлены конусовидными, призматическими и карандашевидными формами; основными заготовками орудий служат пластины и отщепы; орудия из пластин преобладают над орудиями из отщепов; ширина пластин-заготовок и орудий из пластин более 1 см с тенденцией к увеличению ширины у орудий на пластинах. На Ивановской стоянке в отличие от стоянок Кустанайского Притоболья каменные изделия изготавливались из кремня и яшмы, а в орудийном наборе отсутствуют геометрические микролиты и наконечники на пластинах [Моргунова, 1988]. Основываясь на проведённых сравнениях, можно утверждать, что в Южном Зауралье проходила западная граница ареала неолитической культуры с симметричными трапециями.

Вторую группу памятников Тургайского прогиба, с точки зрения автора, можно отнести к неолиту. Наличие в орудийном наборе эталонных неолитических памятников Тургайского прогиба небольшого количества двусторонне обработанных орудий, скребков и скрёбел на отщепах, шлифованных и крупных изделий позволяет говорить о появлении их в эпоху неолита. Такие же типы орудий наблюдаются на памятниках сопредельных территорий. На территории Тургайского прогиба на стоянках со смешанным комплексом, в котором отщеповая индустрия доминировала над пластинчатой, несомненно, присутствовали изделия позднеэнеолитической эпохи. Выводы о принадлежности маханджарской культуры к раннему неолиту Тургайского прогиба, как и о её генетической связи с местными раннеголоценовыми комплексами, на взгляд автора, преждевременны. В условиях отсутствия многослойных стратифицированных памятников на исследуемой территории и радиоуглеродных дат для маханджарской культуры, и погребений этого времени пока не представляется возможным проследить

происхождение этой культуры, которая, не может связываться с ранним этапом неолита Тургайского прогиба. Автор предполагает, что на формирование маханджарской культуры оказало влияние население, представлявшее дарьясайский этап кельтеминарской культуры, которое продвигалось в Северный Казахстан в VII–VI тыс. до н.э. с территории Средней Азии [Виноградов, 1981]. Заметное влияние культур Среднеазиатского междуречья, получившее выражение, например, в распространении на неолитическом этапе симметричных трапеций, в т. ч. «рогатых», прослеживается на территории от Южного Зауралья до Приишимья.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, даются основные выводы.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях
(авторский вклад – 3,9 п.л.)**

Ведущие рецензируемые научные журналы и издания:

1. **Подзюбан Е.В.** Раннеголоценовые памятники на территории Тургайского прогиба // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2009. – Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. – С. 98–109 (авторский вклад – 1 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов:

2. **Подзюбан Е.В.** Памятник Кара-Мурза-6 в Костанайской области // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 101–111 (авторский вклад – 0,4 п.л.).

3. **Подзюбан Е.В.** Новые археологические памятники в Мендыкаринском районе // Топоровские чтения / Мин-во обр. и науки РК; Руднен. индустр. ин-т; Академия минерал. ресурсов РК; Мин-во энергетики и минерал. ресурсов РК; территориальное управление «Севказнедра». – Рудный, 2001. – Вып. V. – С. 315–321 (авторский вклад – 0,2 п.л.).

4. **Подзюбан Е.В.** Новые мезолитические памятники на территории Костанайского Притоболья // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 173–177 (авторский вклад – 0,2 п.л.).

5. **Подзюбан Е.В.** К вопросу об истории изучения мезолита в Северном Казахстане // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: Сборник научных статей. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – С. 4–10 (авторский вклад – 0,4 п.л.).

6. **Подзюбан Е.В.** Реконструкция климата первой половины голоцена на территории Торгайского прогиба по данным торфяных месторождений // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 79–83 (авторский вклад – 0,3 п.л.).

7. **Подзюбан Е.В.** К вопросу о терминах «мезолит» и «неолит»: проблема дефиниций // Вестн. Костанай. гос. пед. ин-та. – Костанай: Изд-во Костанай. гос. пед. ин-та, 2005. – Вып. 2. – С. 117–123 (авторский вклад – 0,4 п.л.).

8. **Подзюбан Е.В.** О состоянии изученности мезолита в Северном Казахстане за последние 30 – 40 лет // Восточная Евразия: проблемы культурного наследия: мат-лы III Казахстан. археол.-этногр. конф. студентов и молодых учёных, посвящ. 10-летию ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва. – Астана, 2006. – С. 72–74 (авторский вклад – 0,2 п.л.).

9. **Подзюбан Е.В.** Особенности стратиграфии памятников Костанайской области // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – С. 29–32 (авторский вклад – 0,2 п.л.).

10. **Подзюбан Е.В.** История исследования мезолита в Северном Казахстане // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг.: мат-лы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 159–165 (авторский вклад – 0,6 п.л.).

Подписано в печать 01.11.10. Бумага офсетная
Формат 60 x 84 / 16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 1,8. Тираж 100. Заказ № 258.

Издательство ИАЭТ СО РАН
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.

